

]

— Идём, идём, — Папа подтолкнул его в сторону улицы, по которой они пришли. — Когда мы проходили мимо, я видел там лапшичную...

Лапшичная оказалась неплохой: порции огромные, лапши много, а главное — сверху всё было густо уложено большими кусками говядины, от одного вида на которые разыгрывался аппетит.

— Всего пятнадцать юаней за миску, — сказал Папа.

— Угу, — кивнул Янь Хан, продолжая есть. — Ешь давай, а как доедим, вернемся и устроим минуту молчания по той твоей тысяче юаней.

— Хорошо. — Папа опустил голову и принялся жадно есть.

Когда он почти закончил, то снова поднял взгляд:

— Хан.

— А? — отозвался Янь Хан.

— Не хочешь пойти поучиться? — спросил Папа. — Мне кажется, место здесь неплохое, возможно, задержимся подольше.

— Нет, — тут же ответил Янь Хан.

— Ну нет так нет, — легко согласился Папа. — Просто ты дома всё время с книгами, я и подумал, может, у тебя внезапно появилось желание пойти в школу. К тому же, это возможность с людьми пообщаться.

— Это разные вещи. Я и на подработке с людьми общаюсь, — сказал Янь Хан. — К тому же я никогда не хотел учиться. Даже в начальную школу идти не желал.

— И то верно, ты ещё тогда заставлял меня идти в школу и спрашивать, можно ли тебе отчислиться, — Папа рассмеялся. — Из-за этого мне, черт возьми, пришлось выслушать кучу нотаций от вашей учительницы Лю.

Янь Хан улыбнулся.

Учительница Лю была единственным педагогом, которого он до сих пор помнил — очень добрая и ласковая старушка. Последний раз он видел её на выпускном в начальной школе.

Тогда она прямо высказала Папе всё, что о нём думает:

— Такой замечательный ребенок, — говорила она. — Боюсь, как бы вы, отец, его в будущем не испортили.

Вернувшись домой, они пробыли там недолго, и Папа снова ушёл, не сказав куда.

Янь Хан не спрашивал. Столько лет прошло, а он ни разу не поинтересовался, чем занимается Папа, когда тот бесцельно появляется и исчезает.

Всё равно ведь вернётся.

Привык.

Папа дарил ему мощное чувство безопасности, но вместе с тем постоянно вселял глубокую тревогу.

Янь Хан разобрал свои вещи в комнате: раз уж есть вероятность задержаться здесь надолго, нужно всё аккуратно разложить.

Вещей у него было немного: чемодан с одеждой да сумка, набитая всякой всячиной. У Папы вещей было ещё меньше — пара смен одежды в дорожной сумке, и всё. Иногда Янь Хану казалось, что вся жизнь Папы — это одно сплошное путешествие, причём исключительно короткие поездки.

Сколько мест они сменили, сколько жилья перепробовали — Янь Хан даже сосчитать не мог. Иногда они не снимали квартиру, а жили в отелях, а иногда по несколько раз возвращались в одни и те же места.

— Я хочу вернуться в старые края, — Янь Хан повалился на кровать и вытащил телефон. — Я хочу пройтись по старым дорогам...

В Weibo висела куча личных сообщений. Янь Хан мельком просмотрел их — ничего интересного. Он машинально ответил «нет» на вопрос, будет ли сегодня стрим, отшвырнул телефон в сторону и надел наушники.

В последнее время его мучила бессонница. Сонливость накатывала только днём, да и ту Папа разогнал одним своим движением.

Янь Хан лежал в наушниках, уставившись в потолок. Чтобы хоть как-то уснуть, он слушал шум дождя, шелест ветра в бамбуковой роще, нежную гитару... но даже от долгого лежания у него просто онемела спина, а толку — ноль.

В итоге он встал, переоделся в спортивную форму и вышел на улицу.

Было уже почти три часа ночи. На улице ни души, лишь под одинокими фонарями изредка пролетали машины, издавая резкий звук «ш-ш-шух».

В конце дороги начинался центр — самое оживленное место, где неоновые огни окрашивали ночное небо в багровый цвет.

А там, где находился он, — район, похожий на те, что есть во многих городах: обветшалые кварталы, притаившиеся в тени процветания. Они казались двумя разными мирами, а вернее — тот район был лишь тенью этого, яркого и шумного.

Янь Хан поправил наушники, включил музыку для бега, глубоко вдохнул и побежал.

Ему нравилось бегать. Это был лучший способ убить время и разогнать скуку.

Он пробежал от их старого жилого квартала до школы №82, нарезал несколько кругов вокруг неё, а затем свернул на главную улицу. Пробегая мимо японского ресторанчика, где они сегодня ели, он на всякий случай намотал ещё два круга — на память.

Пробежав по всем окрестным дорогам и хорошенько пропотев под порывами северного ветра, он наконец вернулся домой.

Приняв душ, он порылся в сумке, выудил две таблетки, проглотил их и рухнул на кровать. Усталость наконец-то взяла своё, и, закрыв глаза, он почувствовал, как накатывает сон.

Благодаря таблеткам он проспал до полудня.

Янь Хан просидел на краю кровати минут пять, прежде чем сообразил, что сейчас день.

Голова после сна была тяжелой, аппетита не было. Янь Хан решил пропустить обед, нащупал книгу по английскому, которую принёс Папа, и сел на подоконник.

Так он и просидел до самого вечера, переключаясь между книгой и телефоном: прочитал страниц десять и посмотрел донельзя скучное шоу.

Время приближалось. Янь Хан покрутил в руках телефон. Если бы не тот паренек, он бы выходил в эфир только от невыносимой скуки. А сейчас, помимо немногочисленных фанатов, которым было так же скучно, как и ему, он начал испытывать любопытство к этому мальчишке.

Даст ли он сдачи?

До какой степени его нужно довести, чтобы он начал сопротивляться?

Янь Хан поудобнее устроился на подоконнике, прислонившись к раме, и включил телефон.

Как и ожидалось, многие уже с нетерпением ждали трансляции. Он молча направил камеру на улицу, и вскоре в чате началось обсуждение.

«Почему так происходит? Почему никто не вмешается?» — Янь Хан вздохнул.

Да какие тут могут быть «почему»? Он давно перестал задавать этот вопрос.

Через несколько минут в кадре появился главный герой — впервые за последние несколько дней.

Его толкали.

С подоконника открывался вид примерно на сто метров улицы. Что происходило на отрезке от школы до этого места, было неясно, но эти сто метров были последним участком пути перед тем, как эта банда разбредалась по домам. Обычно здесь всё выглядело как кульминация спектакля перед финальным занавесом.

Мальчишка споткнулся и оглянулся.

Возможно, это было неосознанное движение, но за все эти дни это был первый жест, который хоть отдаленно напоминал «сопротивление».

Следом в кадр вошли несколько парней, и один из них пнул его под поясницу.

Янь Хан цыкнул.

Сильно приложили.

Затем другой парень ударил его ногой по ноге.

Судя по всему, они собирались пинать его по очереди, пока он не дойдет до конца.

Владельцы уличных закусочных поблизости не могли на это смотреть, двое из них даже прикрикнули на парней.

Но эффекта — ноль. Те огрызнулись в ответ, да так злобно, что торговцы притихли.

Наблюдая уже несколько дней, Янь Хан кое-что понял: этот ребенок не сопротивляется. Может, это лишь его воображение, но мальчик казался до пугающего спокойным, словно он отгородился от этого мира стеной — ничего не слышит, ничего не видит и ничего не чувствует.

Но для этой своры такая реакция была самой раздражающей. По опыту Янь Хана, они не остановятся, пока не добьются от него хоть какой-то реакции.

Когда они поравнялись с домом Янь Хана, один из парней вытащил из сумки стеклянный стакан и с размаху ударил им мальчишку по плечу.

Довольно толстое стекло разлетелось вдребезги.

— Сегодня они перегнули палку, — сказал Янь Хан и, слегка оттолкнувшись, спрыгнул с подоконника.

— Старший брат Сяо Тянь собирается вмешаться?

— Будь осторожен! Может, в полицию позвонить?

Сообщения быстро сменяли друг друга. Янь Хан сунул руку в карман — там была только маска, даже ключей не оказалось.

— Не знаю, — ответил он. — Больше не могу на это смотреть. Слишком уж мерзко.

Перейдя улицу, Янь Хан впервые за эти дни разглядел лицо мальчишки.

Ему не показалось: выражение лица было абсолютно спокойным.

Настолько спокойным, что это выглядело пугающе. Непонятно, что это — тоска или что-то другое. В конце концов, у Янь Хана был только диплом начальной школы, подходящих слов он подобрать не мог.

Разбитый стакан всё ещё болтался на ремешке у парня в руках. Тот замахнулся, собираясь запустить остатками стекла в лицо мальчишке, как вдруг Янь Хан свистнул.

Громко. Помимо того чтобы бездельничать и бегать, свист был, пожалуй, главным талантом Янь Хана.

Папа любил свистеть, и, чтобы найти себе напарника, он начал обучать Янь Хана ещё до начальной школы. Они могли часами сидеть на обочине и дуэтом насвистывать мелодии проходящим мимо девчонкам.

Этот свист привлек внимание всей банды — они обернулись.

Янь Хан подошел, не говоря ни слова. Он поставил телефон на стопку кирпичей, оставшихся после укладки тротуара под деревом, направив камеру на место событий, а затем достал маску и натянул её на лицо. За всё время стримов он ни разу не показал своего лица — нужно было

соблюдать традиции.

<http://bllate.org/book/18095/1747606>